

Светлана
МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

г. Краснодар

Звучащая счастья

рассказы

Лангетия

Она звонила не вовремя. Как всегда, в последнее время. Телефон рвал тишину в тот момент, когда много работы, когда болит голова, кофе убегают, наконец... Альбина заторможенно смотрела на телефон и пыталась угадать, что же на этот раз. Гениальные стихи? Мерзкая погода? Ватсап ювелира, который должен починить ей серёжки?

– Ма, у тебя срочно? Можно я перезвоню через полчаса? Через двадцать минут! Можно?

Опустила айфон. Снова уставилась в экран ноутбука, помедлила и всё ж отставила компьютер, поднялась с дивана. Пора размяться, ноги затекли.

В комнате бардак. В огромном зеркале платяного шкафа предательски отразилось барахло на кресле, туалетный столик с кучей грязных салфеток, смятая постель с икеевским черно-белым пододеяльником (вчера ещё собиралась бросить его в стирку), неуклюже задёрнутые шторы на большом тёмном окне...

Мама обязательно и всенепременно расправила бы их. Пусть мир рушится, а шторы должны быть в порядке, чтоб с улицы смотрелись идеально. Икеевский пододеяльник с цифровым рисунком она бы точно никогда не купила. Мама любит кружева...

Альбина с минуту постояла посреди комнаты и нерешительно направилась на кухню. Удивительное дело: почему-то после звонка из дома беспорядок заметнее. Полтергейст какой-то.

Ноги сами привели к холодильнику. А куда ж ещё? Альбина знала эту свою особенность, потому держала полки пустыми – только листья шпината да стаканчик обезжиренного йогурта. В морозилке – ягоды, рыба, манго. И кубики тыквы. Взять несколько, что ли? Погрызть сырой тыквы на ночь... В детстве мама готовила из неё кашу-размазню с молоком и рисом или запекала в духовке большие сахарные ломти... Это ж сколько в каждом калорий?

Особо строго за калориями Альбина стала следить во время карантина. А как иначе, если фитнес-залы не работают, бассейны тоже. Даже на улицу выйти нельзя...

И билет в Германию, купленный полгода назад, оказался пустой тратой денег. Ещё весной Альбина должна была улететь в Гамбург, но прошло лето, началась осень, а Гамбург всё так же далеко. Как и Рома. Их вялотекущий роман наконец сулил желанное продолжение. Альбина даже иногда просматривала свадебные платья в каталогах.

Она познакомилась с тридцатичетырёхлетним программистом в интернете, когда была ещё замужем, о чём честно написала русском немцу Роме после его комплиментарных сообщений «ВКонтакте». И пять лет они ничего не знали друг о друге.

Альбина успела пережить все перипетии с разводом. Успела достроить дом, который начинали вместе с мужем, но «любовная лодка разбилась о быт»... Успела пустить в дом квартирантов, потому что невозможно жить одной на два этажа.

Сначала, правда, она завела собаку. Дворнягу, но роскошную, похожую сразу и на шотландскую овчарку, и на афганскую борзую, особенно в «полёте». Альма, так звали псину, не умела бегать, она летала, буквально пласталась по воздуху. И по характеру они с хозяйкой похожи — улыбчивые до невозможности. Сама радость плескалась в глазах и Альбины, и животины, когда выходили на пробежки, встречались с соседями.

А бессонными ночами Альбина сидела в компьютере и слушала Вагнера.

Альму пришлось отдать в хорошие руки, когда Рома снова написал в личку и уже ничто не мешало встрече. Границы тогда были открыты, самолёты выполняли запланированные рейсы точно по расписанию. И Альбина улетала в Германию и на месяц, и на два, да хоть на...

Два года — встречи и расставания, звонки и сообщения. Объяснения в любви и полный разрыв. И заново, с короткого слова, ничего не значащего разговора о... погоде? Какая разница, ведь они опять слышали друг друга. Уже звучали заветные слова. Полгода назад, в марте, уже был куплен билет... Какие полгода? Семь месяцев и двадцать шесть дней.

Альбина взглянула на своё отражение в чёрном окне, хлопнула форточкой — свежий ветер гулял по комнате. Тронула клавишу миниатюрного радиоприёмника: «Число больных коронавирусом растёт... Пандемия...»

И снова упрямый телефонный звонок завопил на всю квартиру. Но не было сил взять трубку и разговаривать с мамой бодрым голосом.

«Я перезвоню... Минут через двадцать. Обязательно перезвоню...»

В троллейбусе

Что случилось вчера, в троллейбусе. Был час пик. С трудом протиснувшись к окну, я оглянулась: Андрей пробирался ко мне.

— Ну что, цела? — он смотрел на меня сверху вниз и был похож на великана.

— Какой же ты большой!..

— Это не главное мое достоинство.

— Надеюсь... А интересно, что ты считаешь главным?

— М-м... Я добрый!

— Правда?

Он весело кивнул:

— Я знал, что это тебе понравится.

Мы замолчали, зажатые тисками чьих-то плеч, спин, рук, в жарком дыхании людей, разных и одинаковых в тусклом освещении. Где-то в салоне закричал ребенок.

— Не могу выносить детского плача, — шепнул мне Андрей и сморщился страдальчески.

Троллейбус трянуло, мы вцепились друг в друга, и я почувствовала его сильные надёжные руки.

«Как хорошо, что он рядом. Большой и добрый. Мой рыцарь с голубышми, как небо, глазами. Удивительно — глаза как небо...»

— Ты чего задумалась?

— Так...

Он осторожно поправил на мне воротник.

«Так ты еще лучше».

А троллейбус всё ехал. Нас трясло, покачивало, но мне было всё равно.

— Неудобная штука — транспорт, — вздохнул Андрей. — Завидую людям двадцать первого века: они лишь по фильмам будут представлять наши грохочущие трамваи и троллейбусы, доверху набитые людьми. Или по книгам...

— Да, ты прав... И я бы с удовольствием читала об этом, чем испыты-

вала на себе каждый день, — почти машинально поддакнула я.

— Как я не подумал об этом!.. — неожиданно оживился Андрей. — Ну, ничего, сейчас тебе позавидуют все, кто здесь стоит.

— Ты хочешь поднять вон ту старушку и посадить меня на её место?

— Да нет, ты слишком молода, чтобы сидеть на местах для инвалидов. Правило буравчика по физике учила?..

Он говорил, а его рука протискивалась между мной и стоявшим рядом мужчиной, пока не ухватилась за поручень.

— Поосторожней нельзя? — пробасили над моим ухом.

Дальше — голос Андрея:

— Сейчас ты увидишь... еще одно моё достоинство...

— Что ты задумал? — встревожилась я.

— Я хочу, чтобы тебе было удобно стоять...

Он медленно выговаривал слова, а его руки, как стальные прутья, раздвигали толпу, образуя вокруг меня свободное пространство.

— Вы чего это, молодой человек?..

— Куда толкаешь?!

— Брось, парень, здесь не место спортом заниматься!..

Андрей молчал, как будто это его не касалось, глядя на меня, прошептал:

— Теперь тебе лучше?

— Что? Лучше?

Да, руки Андрея, отвоевав пространство, предохраняли меня от нечаянных толчков, но как же неуютно было стоять под прямыми колючими взглядами попутчиков.

— Прости, Андрей, но я не понимаю, зачем это?.. — честно сказала я.

На него давили сзади, и я видела, что он с трудом сдерживает этот натиск.

— Андрей, мне это не нравится. Прекрати, слышишь? — тихонько попросила я.

Пузатый дядька толкнул его кулаком в спину. Андрей недобро хмыкнул, глаза его загорелись дерзостью:

— Ну, там, полегче!

— Я те покажу полегче, елки-палки!..

— Прекратите это безобразие! — седая женщина в очках с негодованием смотрела на нас. — Вы что, одни здесь?

— Совести у них нет!..

— Хулиганье! — высокий женский голос перекрыл все звуки и, казалось, зазвенел у меня в ушах.

Андрей молчал.

— Андрей! — я смотрела на него, широко распахнув глаза, надеясь, что сейчас всё кончится, ведь это шутка.

А резкие злые слова хлестали меня, точно град:

— Вы посмотрите: девочка, а такая нахалка!..

— Мать бы видела...

— У них и матери такие. Нарожали, елки-палки!..

— Не обращай внимания, — произнес Андрей, едва разжимая губы, он попытался улыбнуться. — Тебе хорошо, а я выдержу...

— Что ты говоришь!..

— Не обращай внимания, — повторил он тверже. — Не надо.

Какая-то пружина лопнула во мне, и решимость действовать толкнула меня вперед:

— Хватит!

— Постой, постой, сейчас я его! — высокий женский голос противно звенел в ушах. Я быстро пробиралась к выходу, чтобы не слышать, избавиться поскорее от всего происходящего.

Троллейбус наконец остановился.

— У, бесстыжая! — неслось мне вдогонку.

Кто-то больно толкнул сзади, и я чудом не вылетела из дверей кубарем. Горячие слезы навернулись на глаза.

— Ты чего? — услышала я раздраженный голос Андрея. — Нам еще две остановки!.. — он взял меня за руку, но я отшатнулась от него.

— Не трогай!

Я быстро устремилась вперед, не зная, куда, зачем, — почти побежала, спазмы давили горло. Ускоряя шаги, я уходила от ненужных слов, ничего не значащих объяснений.

— Стой! Да подожди ты!.. — сильные руки обхватили меня за плечи.

Я обернулась и увидела... чужие серые глаза.

— Ты что, не в себе?.. Неврастеничка!

Меня словно по лицу ударили. Я кусала губы, чтобы не разреветься. Как он мог?! Он, большой и добрый!.. Мой рыцарь с голубыми, как небо, глазами! Как он мог?..

Кусочек счастья

Она хлопнула дверь так, что разом оглохли все девять этажей, а сердце в груди ее сжалось холодным комочком. Ждать лифт бесполезно — час пик. Бросила себя в темноту лестницы, но уже на третьей ступеньке замедлила шаг, боясь оступиться.

Да, пруть уж не та. А всего-то десять лет назад, в сорок с небольшим, брала лестничные марши одним махом. В тридцать тащила при этом сумки с продуктами, а в двадцать — детскую коляску с горляющим Серёжкой.

Муж Валерий в это время бредил партитурами и делал инструментовки. Забывал даже о еде. Приходилось чуть ли не силой оттаскивать его от рояля, иначе свою язву он заработал бы не в тридцать девять, а гораздо раньше. Соответственно, намного раньше пришлось бы придумывать для него диетические блюда. А сколько сил могло уйти на то, чтобы впихнуть их ещё и в маленького Серёжку! Готовить для каждого отдельно она тогда была не в состоянии: много времени и здоровья требовала кандидатская.

Защиту перенесли в Ростов, обязали дать мастер-класс, да ещё перед самым его началом поменяли программу. Ничего. Справилась. От натиска её интеллект раскололся крепкий орешек — малоизвестная прелюдия Баха вместе с оппонентом профессором Огрызко. Правда, «скорлупа» от «орешка» осталась — нервная хроническая бессонница, изматывающая, словно лихорадка. На правах старой подруги она всегда может накинуться с «объятиями», как было нынешней ночью.

Хотя с вечера всё складывалось удачно. Внук Виталька быстро уснул. Нужно было воспользоваться этим и лечь самой, посчитать овец, авось... Так нет же! Вспомнила про дипломную работу Лены Заречной, решила посмотреть. Искать пришлось в стопке бумаг на рояле. Туда теперь частенько кладут важное, сберегая от Витальки. Партитуры мужа она бы никогда не тронула. Но от неловкого движения они качнулись и полетели на пол нотным дождём. Фотография выглянула из ещё не дописанной рукописи, лежащей на полу. «Любимому профессору Вале-

рочке от вечной студентки Натки», — прочла она. Перевернула снимок — старая знакомая. Зачем он это хранит? Год назад клялся, что давно забыл, и опять? Или от «вечной студентки Натки» зависит его вдохновение?..

Она собрала бумаги, положила фотографию сверху. Помедлила и решительно засунула её обратно в ноты.

Утром, пока домашние спали, хмурясь от ноющей головной боли, сварила овсянку для Витальки и мужа, заранее достала из холодильника сметану, чтоб к завтраку подогрелась.

— Ма, где мой чистый халат? — первым заглянул к ней на кухню Серёжка. — Сегодня сложная операция. Только не говори мне о нашей больницы прачечной и о том, что они должны платить тебе зарплату!

Ответила коротко:

— Возьми в шкафу на плечиках.

— И ещё, ма, Софья просила памперсы купить, а я не успею. Выручишь? И чернослива!

Когда вернулась в комнату, мужа в постели уже не было. Быстро принялась собираться на работу. Стараясь не столкнуться с Валерием, выскочила в прихожую, чуть задержалась у зеркала, подумала: «Жаль, так и не купила тот синий костюм. Я в нём такая стройная...»

— Солнышко, я ведь просил: не покупай сметану в магазине! — настиг её голос мужа. — Договаривались же: только на рынке! Есть невозможно! Ты меня слышишь?

Она схватила сумку и вместо ответа хлопнула дверь так, будто вlepила пощечину.

Серый от пыли воздух улицы обесцветил мир и саму надежду на светлое будущее. «Если тебе почти шестьдесят, всё хорошее уже случилось», — подумала, глядя вслед убегающему трамваю. Остановка пуста. Зябко, сыро. Когда теперь подойдёт следующий? И вдруг ярко освещённый трамвай выплыл из-за поворота, пустой и грохочущий. С весёлым треском распахнулись дверцы-гармошки. Она осторожно поставила ногу на ступеньку, точно не доверяла такому везению.

И предчувствия оправдались! Внушительный толчок сзади едва не сбил её с ног. Должно же было что-то случиться! Влетевший в последнее мгновение пассажир сам испугался содеянного. Большая серая шляпа сползла ему на нос. Он неловко поправил её, принялся бормотать извине-

ния. Наконец сообразил помочь даме — усадил на изодранное сиденье и сам плюхнулся рядом. Сразу заговорил.

У него были длинные пышные усы. Густой баритон пробирался сквозь них, и, наверное, от этого слова звучали мягко и одновременно весомо. Его приятно было слушать. Говорил он увлеченно, с живым огоньком в глазах. Сорок минут пути пролетели незаметно. Она вышла в мокрое утро, он поехал дальше.

В институте сонный вахтёр молча протянул ключи.

Вошла в кабинет, бросила сумку и осторожно разжала ладонь. Алый коралл со дна Красного моря блеснул тонкими искрами. «Это кусочек от рифа Счастья, — вспомнила она голос Серой шляпы, — я безмерно рад подарить его вам!»

Она подошла к окну, чтобы лучше рассмотреть подарок. Вдохнула поглубже — и точно морской свежестью наполнилась грудь. Улыбнулась. И вдруг смущённо прижала коралл к щеке...

М а т у ш ю а

Было уже за полночь, когда начал падать снег. Тихий, едва заметный. К утру вся округа, деревенские дома, дорога, обсаженная кряжистыми тополями, дальние холмы — всё побелело и обновилось. Мягкое укывистое одеяло благолепным нарядом своим радовало глаз и взрослым, и детворе. Только матушка Наталья, выглянув во двор, равнодушно обвела взглядом снежное убранство. Дорожку на кладбище теперь пробивать придётся, с лопатой идти надо.

После вычитки утреннего правила перед большой, старинного письма, иконой, с которой, бережно прижимая к себе младенчика Иисуса Христа, печальными глазами смотрела на нее Мать Божья, Наталья хлопотала по дому. Потом вновь приблизилась к иконе, поправила лампадку и вздохнула коротко: «Пора Гришу проведать».

Лопату выбрала полегче да пошире, снег вроде и небольшой, лёгкий, но расчищать тропинку сразу надо, иначе потом вовсе не пробраться. Надела дошку на вате, в шаль шерстяную закуталась и отправилась к могиле мужа.

Скрипел снежок под ногами, дальше с морозами он повизгивать начнёт, точно поросенок молочный, сейчас же хрустел, как огурцы малосольные, — Гриша их так любил.

Матушка солила огурчики особым способом, и вкуснее не получалось ни у кого. Уж это все в деревне давно признали. А пироги да оладьи ее разве не признали? Вспомнилось ей, как лет десять назад, в Петров пост, прибежала соседская девчонка Галинка и — с порога: «Теть Наташ, вас батюшка к себе зовёт! К нам из Москвы едут! Про монастырь кино снимать!»

Наталья в ответ только руками развела — надо так надо. Поспешила к батюшке Алексею. Тот про киношников всё подтвердил и попросил её, как признанную мастерицу, на кухне поработать. А то они, киношники-то, в пост приезжать боятся — оголодают будто в деревне. От этих последних его слов Наталью аж в жар бросило, выиграло ретивое: «Ах так! Вот я вам покажу, какой у нас пост!»

К приезду киношников стол накрыли во дворе длиннющий. И чего там только не было! Супы-похлёбки в горшочках, грибы белые и всякие прочие в маринаде и без, картошка фаршированная, запечённая, кабачки во всех видах, пироги открытые и закрытые, кулебяки на четыре начинки, расстегаи с ягодами лесными, кисели-квасы, горошницы, блинчики овсяные кружевные с черникой, варенья, мёды, узвары, квасы. А уж хлеб какой Наталья испекла! Всем хлебам хлеб! Духмяный, на домашних из хмеля дрожжах изготовленный! И вкус-то деревенских продуктов с городскими не сравнить. У киношников чуть животы не лопнули, а от стола всё отойти не могли. Утёрла матушка Наталья нос городским гурманам.

Так что Гриша гордился своей хозяйкой, почитал её.

«Только как же ты нас покинул? Зачем управился рано? Я должна была лечь, а не ты...»

Могила мягко сияла белизной. Над ней строго чернел деревянный крест. Фотографию, прикреплённую к перекрестью, уже слегка припорошило, и матушка сняла ее, бережно обтёрла рукавом и повесила обратно. Поправила свежие ещё венки, постояла у изголовья, опершись на лопату.

Когда возвращалась с кладбища и поравнялась с крайним домом, окликнули её. Обернулась — из калитки высочила навстречу старушка соседка. Поздоровались, и Марковна — с ходу:

— На кладбище была? Да как не боишься! Или не слыхала: волки у нас объявились!

Матушка удивлённо вскинула брови на бабуся:

— Откуда здесь волкам взяться? Про них уже лет тридцать никто не вспоминает! — улыбнулась на слова соседки.

— А зря смеёшься! Я вот сама только по телевизору видела, в новостях передали. Три волка сбежали со двора в соседнем посёлке. Мужик какой-то в клетках зверей держал. Зачем — не сказали. Может, продать в зоопарк хотел, может, ещё для чего, это уж мне не известно. А только волков видели. Гуляют они по округе, в деревни заходят!

Марковна схватилась за локоть матушки Натальи, оглянулась по сторонам. Видно, и вправду боялась волков встретить.

— Ты уж слухай меня, старую. Не ходи на кладбище. Не ходи, пока волков не поймают. Я вижу из окна, как ты могилу седьмой день проведешь... Не надо. Пожалей себя, — частила Марковна, не давая и слова вставить. — И то ведь как пережить, рана свежая совсем... Сколько у нас с этим вирусом проклятым заболели, сколько старых да больных свалились, а все выздоровели! Григорий твой самый здоровый был. Никогда его не забуду. Как запоёт на службе — дрожь по жилам пробегала! Не зря батюшка его протодьяконом поставил, голос с небес будто! И вот надо ж такое... А я чего тебе сказать хотела. У нас говорят, по молитве его Господь забрал. — Матушка Наталья молчала, с места не двигалась. И соседка осмелела: — Я сама, грешница, слышала, как года два назад, когда у сына вашего рак признали, Гриша твой кинулся в ноги к батюш-

ке. А тот — ему: «Готов ты за сына умереть?» Григорий вроде дрогнул даже, отшатнулся от батюшки, а потом выдал: «Готов».

— А батюшка ему — что? — глухо вымолвила Наталья.

— А батюшка сказал: «Ну, считай, вымолил ты его». Вот так и было, клянусь, ни слова не прибавила, клянусь! Как сейчас помню! — закричала Марковна.

— Слава Богу, — невольно вырвалось у матушки Натальи. Она высвободилась от хватки соседки, опустила глаза: — Спасибо, Марковна. Пойду я.

— А как сынок? — не отставала та. — Как здоровье его? Невестка родила?

— Невестка — скоро... Вот-вот должна. Молюсь за неё. У Николаши лучше вроде. Ремиссия, врачи говорят.

— Ну, а ты как? У тебя ж тоже вроде признали... Мне сам Григорий твой проговорился. Или не подтвердилось?

— А чего мне делается? — двинулась от неё Наталья. — Вот провела Гришу — домой иду. Заходи в гости... А про молитвы Гришины знала я. Он, как выпьет, от меня сторонился, а душа-то горела. Звонил друзьям, порой плакал. Слышу однажды — причитает: «Как же я отпевать его буду, как закапывать!.. Не приведи, Господи!» Вот и управился Гриша...

Соседка хлопнула носом, матушка Наталья коротко смахнула слезу.

Уличную снежную тишину разрезал телефонный звонок, похожий на трамвайный.

Испуганная Наталья полезла в карман дохи: «Да где ж он, окаянный!» Непослушными пальцами с трудом достала верткий аппарат: «Николаша!»

Ткнула кнопку. Молодой мужской голос прокричал и огорошил: «Ма, у меня сын родился! Настя сына родила! Гришу! Григория! Ты бабушка теперь!»

Даже Марковна, стоявшая в полуметре от Натальи, расслышала каждое слово и ахнула от радости.

Матушка Наталья, забыв про соседку, чуть пошатываясь, побрела домой, прижимая к уху телефон, расспрашивала про ребёнка и роженицу. А соседка крестила ее сухонькой своей щепотью, — крестила, пока та не скрылась из глаз...

Большая перетена

Долгожданный звонок дал волю засидевшимся шестиклассникам — школьные коридоры захлебнулись многоголосьем. Прорвавшись сквозь дверные проемы, ребята высыпали во двор. И Маринка, подавшись всеобщему азарту, выскочила на крыльцо.

Повсюду лежал снег — ослепительно-белый, лёгкий, мягкий. Маринке так захотелось набрать его в ладони и лизнуть! Она уже сделала шаг к снежному холмику на ступеньке, как Колоколов — надо же было ему оказаться поблизости! — заорал вдруг во всё горло:

— Сур-репка! Иди, я тебя натру снежочком!

Ком снега жёстко влип в дубовую поверхность двери рядом с Маринкой.

— Сюда! Сур...

Расстроившись, она поспешила вернуться в класс.

Пусто. Только забытые тетради на столах.

Заметив свое отражение в стеклянных дверцах книжного шкафа, подошла поближе. Маринкин палец, коснувшись твердой глади стекла, скользнул вниз, очерчивая тонкие губы, острый подбородок. «Сурепка жёлтая... Похожа».

Марина поправила льняные волосы и перевела взгляд на окно: через открытую форточку с улицы доносился смех. Кто это там? Маринка шмыгнула носом и, подскочив к окну, вытянула шею, пытаясь увидеть двор.

Это Долина! Свалилась в снег прямо под окнами и хохочет! Маринка улыбнулась, и её глаза заблестели, точно оттаяли. А вот Анечка!.. За кем она бежит?

Вдруг Маринка задумалась о чем-то. Глаза ее потухли, она отрешенно уставилась в никуда. А весёлые крики со двора врвались в уши, притягивали ее взгляд. Тогда Маринка сердито закрыла уши ладошками, крепко зажмурилась, а потом — «раз, два, три — смотри!» — снова распахнула ресницы.

«Хорошо, что выпал снег», — теперь подума-

ла Маринка, любуясь игрой невесомых снежинок, парящих серебряными искорками в лучах солнца. Она прищурилась и запретила себе видеть школьный двор. За окном по-прежнему кричали, улюлюкали, но Маринка этого уже не слышала. В восторге запрокинув голову, она счастливо улыбалась первому снегу: «До чего же красиво! Р-раз — уже белое царство, всё по-другому!»

Развернувшись, вприпрыжку побежала по классу.

— Ура! Ура! Ура! — громкие шаги её впечатывались в тишину класса. — Ура! Снег выпал!

Вдруг Маринка замерла на месте, ее осенило: «Ой... А если...» И она бросилась к ближайшей парте, схватила чей-то карандаш, лист бумаги и помчалась к окну. Грифель коснулся шершавой поверхности. «Всё новое... Чистый, белый... мягонький», — блаженно повторяла слова Маринка, рисуя на листе.

И вдруг, как гром, на весь класс:

— Сурепка!!!

Маринка вздрогнула и замерла с карандашом в руках.

Поглаживая в ладонях крепкий снежок, по классу шёл Колоколов, узкоплечий, по-спортивному гибкий. Он сейчас был похож на хищника, выследившего добычу.

— Привет Сурепке! Чо вытарашилась? Не узнаёшь?

Та молчала, а он улыбался, впившись в свою жертву колючими глазками.

— Давай всё ж потру снежком, а...

Из-за двери вынырнул Витька — постоянное приложение к Колоколову, был он на голову ниже его ростом, румяный и толстощёкий.

— Вить, я говорю, натрём Сурепку? — обернулся к нему Колоколов. — Сделаем доброе дело этой жёлтенькой? Авось порозовеет!

Витька согласно хмыкнул, скривив в улыбке толстые губы.

— Ну как, Сурепка, готова?

Маринка молчала, во рту у нее пересохло от волнения.

Колоколов стоял рядом с ней, наглаживая снежок, который уже подтаял в его руках.

— У, ты така-ая... — осклабился Витька и потянулся к Маринке из-за спины Колоколова.

«Ну, всё!» — Маринка вздрогнула, ее пальцы

выпустили карандаш и сжались в кулачки, побелев от напряжения.

— Не трусь, Сурепка! — широко улыбался Колоколов, видимо решив хорошенько повеселиться, он вдруг резко махнул Витьке.

Это произошло очень быстро. Маринка успела дёрнуться, но крепкие Витькины пальцы тисками сжали ее запястье.

— Пусти-и! — Маринка ударила Витьку по плечу, изо всех сил вырываясь, отпихивая его, но тот жёстко перехватил ее локоть.

— Это полезно... всем Сурепкам! — Колоколов с ухмылкой дрессировщика потянулся к её лицу снежком, зернистым, как наждак, совсем не похожим на тот пушистый снег, что лежал во дворе.

Маринка смотрела Колоколову в глаза, точно разглядела в них что-то. И вдруг, не помня себя, она изогнулась и ударила его изо всех сил в живот! От неожиданности ахнув, тот неловко взмахнул руками, пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Снежок выскочил из его рук и шлёпнулся к ногам Маринки.

Витька, растерявшись, чуть было не выпустил пленницу, но в последнее мгновение успел удержать.

— Ах ты!.. — он снова перехватил руку девочки.

Колоколов попытался быстро собрать снег с пола.

Чувствуя, что силы на исходе, Маринка рванула Витькину руку зубами и, наконец вырвавшись, отскочила от мальчишек.

— А-а!!! — взревел Витька от боли. — Укусила! Взбесилась, Сурепка?

Кровь выступила крупной каплей, потом красная змейка поползла по Витькиной ладони. Тяжело дыша, Маринка переводила взгляд с яркого ручейка то на побледневшего Витьку, то на Колоколова.

Последний уже не улыбался, и даже обычного презрения не было на его лице:

— Сдвинулась, Сурепка? Ты что наделала?!

Противный солёный привкус на губах тошной подступил к Маринкиному горлу. Она зажала рот ладошкой, закашлялась.

А в класс уже вбежали возбуждённые шестиклассники.

— Не подходите к ней! — закричал им Витька, в два прыжка отскочив на середину класса. — Она бешеная! Бешеная! Она меня до крови укусила!

Маринка опустила глаза. На полу валялся помятый, затоптанный её рисунок, мокрый от почти растаявшего серого снега.

□

Светлана Николаевна МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО —
прозаик, поэт, публицист.

Родилась в станице Новопокровской Краснодарского края.

Окончила Кубанский государственный университет.

Публиковалась в журналах «Север», «Наши современники»,

«Роман-журнал 21 век», «Медный всадник», «Земляки»,

«Подъём», «Дон», «Кубань» и др.

Автор книг «Птицы из стаи турманов», «Хрустальная дочь»,

«Дождь в крупную клетку», «Мир вращается» и др.

Лауреат литературных премий,
заслуженный деятель искусств Кубани,

кавалер Золотого ордена «За служение искусству».

Член Союза писателей России,

секретарь Союза писателей России,

возглавляет Краснодарское отделение Союза писателей России.

Живет в Краснодаре.

